

Белькович Р.Ю., Быстров А.С., Виноградов С.В.
Политическая философия А.А. Борового: дина-
мизм, антирационализм, индивидуализм // Анти-
номии. 2024. Т. 24, вып. 1. С. 53-72. [https://doi.org/
10.17506/26867206_2024_24_1_53](https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_53)

УДК 321.01:329.285:340.12

DOI 10.17506/26867206_2024_24_1_53

Политическая философия А.А. Борового: динамизм, антирационализм, индивидуализм

Родион Юрьевич Белькович

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: rbelkovich@hse.ru

Андрей Сергеевич Быстров

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: abystrov@hse.ru

Сергей Валерьевич Виноградов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
г. Москва, Россия

E-mail: svinogradov@hse.ru

*Поступила в редакцию 13.10.2023, поступила после рецензирования 19.01.2024,
принята к публикации 25.01.2024*

В статье предпринимается попытка интерпретации малоизвестной антиэтатистской концепции начала XX столетия – анархо-гуманизма А.А. Борового. Во введении обосновывается значимость изучения «второстепенных» фигур в наследии анархистской мысли как для более глубокого понимания места анархизма в интеллектуальной истории, так и для развития современной политической теории. В первой части статьи обрисовывается круг вопросов, поднятых в отечественной академической литературе применительно к анархо-гуманизму, проводится краткий экскурс в его историю, выделяются основные этапы становления взглядов А.А. Борового, очерчивается круг персоналий и течений, определявших трансформации его мироощущения (К. Маркс, Ф. Ницше, М. Бакунин, А. Бергсон и др.). Основная часть исследования посвящена детальному анализу философских оснований социального и политического учения русского мыслителя. Рассматриваются концептуальные основы анархо-гуманизма, реконструируются наиболее важные философские принципы, определившие политико-правовые воззрения теоретика. Авторы статьи

© Белькович Р.Ю., Быстров А.С., Виноградов С.В., 2024

полагают, что ключевыми философскими характеристиками анархо-гуманизма выступают динамизм (апология постоянного движения жизни), антирационализм (отказ от завершенных интеллектуальных схем) и индивидуализм (апология личного освобождения и роста). В качестве центральной проблемы, определяющей развитие концепции А.А. Борового, рассматривается феномен антиномии личности и общества как неразрешимого противостояния между двумя полюсами человеческой экзистенции. Подчеркивается, что приоритетом для мыслителя в этом конфликте обладает индивид, обреченный на вечные поиски эмансипации и не способный к полному освобождению от общества и коллективных интересов. Раскрывается критика детерминизма, механистического редукционизма, характерная для взглядов А.А. Борового. Результатом проведенного исследования является детальная концептуализация философских оснований анархо-гуманизма, дающая ключ к пониманию политико-правовых взглядов одного из наиболее оригинальных либертарных теоретиков начала XX столетия.

Ключевые слова: А.А. Боровой, анархизм, анархо-гуманизм, свобода, индивидуализм, диалектика, антирационализм, динамизм, личность

Благодарности: Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Alexey Borovoy's Political Philosophy: Dynamism, Anti-Rationalism, and Individualism

Rodion Yu. Belkovich

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Andrey S. Bystrov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: abystrov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov

National Research University Higher School of Economics (HSE University)
Moscow, Russia
E-mail: svinogradov@hse.ru

Received 13.10.2023, revised 19.01.2024, accepted 25.01.2024

Abstract. The article attempts to interpret the little-known anti-statist conception of the early 20th century – anarcho-humanism of Alexey A. Borovoy. The introduction of the research paper justifies the relevance of studying “secondary” figures in the anarchist tradition, both for a better understanding of Anarchism itself in a broader context of intellectual history, and for the advancement of contemporary political theory.

The first part of the article outlines the issues raised in Russian academic literature regarding anarcho-humanism, provides a brief historical overview of its evolution, identifies the main stages in the formation of Borovoy's views, and delineates the influence on him of key ideological currents and authors (Karl Marx, Friedrich Nietzsche, Mikhail Bakunin, Henri Bergson, etc.). The main body of the study is devoted to a detailed analysis of the philosophical foundations of Borovoy's social and political doctrine. It examines the conceptual grounds of anarcho-humanism, reconstructs the crucial philosophical principles, and elucidates the political and legal perspectives of the theorist. The authors argue that the core philosophical features of Borovoy's anarcho-humanism include dynamism (apology for the perpetual movement of life), anti-rationalism (rejection of rigid intellectual frameworks), and individualism (apology for personal emancipation and development). The central problem shaping the development of Borovoy's theory is interpreted as the antinomy between the individual and society, an irreconcilable antagonism between the two poles of human existence. It is emphasized that for Borovoy, an individual holds primacy in this conflict, and is engaged in an eternal struggle for emancipation, yet unable to achieve complete liberation from society and collective interests. The authors reveal Borovoy's critique of determinism and mechanistic reductionism as a characteristic trait of his thought. The research outcome is a detailed conceptualization of the philosophical foundations of anarcho-humanism, providing insight into the political and legal views of one of the most ingenious libertarian theorists of the early 20th century.

Keywords: Alexey A. Borovoy, anarchism, anarcho-humanism, freedom, individualism, dialectics, anti-rationalism, dynamism, individual

Acknowledgements: This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University).

For citation: Belkovich R.Yu., Bystrov A.S., Vinogradov S.V. Alexey Borovoy's Political Philosophy: Dynamism, Anti-Rationalism, and Individualism, *Antinomies*, 2024, vol. 24, iss. 1, pp. 53-72. (In Russ.). https://doi.org/10.17506/26867206_2024_24_1_53

Введение

Исследователи истории политических и правовых учений чаще всего обращают внимание на три основных течения общественно-политической мысли – либерализм, консерватизм и социализм (Денисенко 2005: 15). Этот гипертрофированный интерес историков мысли к доминирующим идеологическим моделям Нового времени влечет за собой дисбаланс в нормативной политической теории. В тени политического анализа оказывается целый ряд значимых проблем, так как, несмотря на все различия либерализма, консерватизма и социализма, эти течения признают де-факто сложившуюся ведущую роль государства в политической системе, в связи с чем в области политической практики апеллируют, прежде всего, к нему. Государство рассматривается как само собой разумеющаяся форма политической организации общества¹ и преподносится, как писал П. Бурдьё, в качестве «точки зрения на точки зрения» (Бурдьё 2016: 93-94). Однако в действительности существуют альтернативные системы мировоззрения, которые не разделяют

¹ Критику такого подхода в юриспруденции см.: (Назмутдинов 2020).

эту догму и подвергают этатизм критике. В первую очередь речь идет об анархизме.

Многие современные процессы (например, рост числа непризнанных государств и усиливающееся влияние транснациональных корпораций) бросают вызов традиционным этатистским научным моделям. В этих обстоятельствах альтернативный антиэтатистский взгляд, в том числе анархистский, может предоставить такие концептуальные инструменты политического анализа, которые позволят извне взглянуть на государственное устройство и выявить «слепые пятна» политической теории.

Значимую проблему для развития такой антиэтатистской «критики извне» в современном политико-философском дискурсе представляет недостаточная концептуальная разработка историками мысли пестрого многообразия анархических учений. Термином «анархизм» политическая теория обычно объединяет большое количество разнородных тезисов, вместе представляющих скорее не консистентную идеологию, а удобное для этатистской критики «соломенное чучело». В наиболее общем смысле под анархизмом можно действительно понимать (вслед за одним из наиболее влиятельных русских анархистов князем П.А. Кропоткиным) учение о необходимости ликвидации любого принудительного управления и власти человека над человеком (Кропоткин 1920: 47). Однако при более внимательном изучении выясняется, что зонтичный термин «анархизм» объединяет множество крайне разнообразных и непохожих версий. Их различия касаются не только практических вопросов актуальной политической борьбы, но и фундаментальных конфликтов, присущих человеческой жизни: противостояние индивидуализма и коллективизма, идеализма и материализма, интуитивизма и рационализма. Так, например, к современному западному анархизму можно одновременно отнести и социальных экологов (М. Букчин), и левых анархо-синдикалистов (Н. Хомский), и правых анархо-капиталистов (М. Ротбард), и радикальных критиков анархизма «изнутри» (Б. Блэк).

Впрочем, для исследователей анархизма было бы непростительной ошибкой сосредоточить свое внимание исключительно на теоретических конструкциях западных мыслителей. Именно русские политические философы внесли огромный вклад в развитие политико-правовых основ анархизма. При этом русское влияние на мировую анархическую мысль прослеживается гораздо более явно, чем в случае других политико-правовых течений. Как резюмировал в начале XX столетия Н.А. Бердяев, «анархизм есть главным образом создание русских» (Бердяев 2016: 175). В научной дискуссии о русском анархизме чаще всего упоминают известные и влиятельные фигуры – П.А. Кропоткина, Л.Н. Толстого и особенно М.А. Бакунина (Рябов 2009: 289), несправедливо оставляя в стороне других представителей анархической мысли.

К числу наиболее интересных «забытых» русских анархистов следует отнести Алексея Алексеевича Борового (1875–1935). Его учение представляется в большей степени актуальным для современной политической теории, чем теории классического русского анархизма. Как видный представи-

тель постклассического направления анархической мысли весомую часть своей критики он направляет на ставшую значимой к началу XX в. тему технического прогресса и его влияния на политические процессы. Боровой обнажает конфликтогенный потенциал технического прогресса и в то же время исследует ставшие возможными благодаря ему альтернативные способы политического участия. При этом он, будучи юристом, с большим вниманием относится к анализу правовой проблематики в политической философии. В отличие от многих других анархистов он не ограничивается обличением принудительного характера государственных законов, но обращается к изучению социальной природы общественных норм, ищет живое право свободных человеческих сообществ.

Однако потребность в изучении наследия Борового продиктована не только «практической» значимостью, своевременностью его взглядов, перспективами дальнейшего развития его идей уже нашими современниками. Прежде всего, эта потребность вытекает из задач, которые стоят перед историко-философской наукой как таковой. Методологические разработки последних ста лет достаточно однозначно указывают на необходимость большей контекстуализации предмета в процессе изучения тех или иных течений мысли. Принципы исследований, актуальные, например, для теории и истории литературы, являются столь же применимыми и в области истории политической философии: понимание большой формы, масштабного движения, крупного автора оказывается невозможным без построения широкой сети интеллектуальных связей, анализа глубокого пласта идейной работы, ведущейся в каждом конкретном поколении не только «гениями», но и авторами самых разных масштабов таланта и разной степени влияния.

Недостаточное внимание академической среды к «фигурам второго плана» влечет за собой формирования искаженной, бедной картины идейной жизни, пригодной в лучшем случае лишь для «учебного» изложения материала. Упрощенное, схематичное преподнесение анархизма, в частности, сводит как минимум два века его существования к набору предельно общих тезисов, приписываемых некоему анархизму в целом. Тогда как истинная жизнь этого течения мысли обладает внутренним богатством, ни в чем не уступающим социализму или либерализму. Все это не означает, однако, признания Борового второстепенным автором, скорее, наоборот: мы считаем, что подобные «табели о рангах» есть лишь печальное следствие методологически упрощенного подхода к изучению интеллектуальной истории. «Введение в оборот» фигур, долго находившихся в тени великих мыслителей, способствует и уточнению нашего взгляда на творчество последних, выявлению новых сторон их работ, которые проявляются именно в рамках диалога, ведущегося не с очевидными оппонентами, но внутри более узкого круга авторов. Именно в диалоге с Боровым, например, проявляются новые аспекты учения Кропоткина, а отчасти даже и некоторая злость его подхода.

Однако богатое политическое и правовое наследие Борового при первом приближении может показаться запутанным, полным видимых

противоречий. Именно поэтому требуется предварительный анализ философских оснований его мысли – поиск ключа к верной интерпретации. Значимая работа в данном направлении уже проделана С.Ф. Ударцевым, определившим место Борового на интеллектуальной карте анархизма XX в. (Ударцев 1992), и П.В. Рябовым, последовательно проанализировавшим важные философские влияния на мысль Борового: неокантианство (Рябов 2010а), ницшеанство (Рябов 2010b), бергсонизм (Рябов 2010с). Вместе с тем сложный синтез Боровым этих разнородных философских учений все еще не осмыслен должным образом.

Ключевая задача настоящей статьи – не просто систематизировать политические взгляды А.А. Борового, реконструировав основные положения его учения, но выявить философские основания его мировоззрения, задающие ориентиры для корректной трактовки его политико-правовых тезисов. В первой части работы очерчены ключевые этапы формирования анархо-гуманистического учения Борового и обозначено его место в интеллектуальном контексте эпохи. Вторая часть посвящена раскрытию понятий динамизма и антирационализма как ключевых философских характеристик политической системы анархо-гуманизма. В третьей и четвертой частях предложен анализ роли революции в философии Борового и места человека в системе его социально-политических воззрений. Раскрывается понимание антиномии личности и общества, обосновывается роль индивидуализма как ключевой характеристики анархо-гуманизма.

Место А.А. Борового в истории русского анархизма

Будущий анархист родился в 1875 г. в семье статского советника. За свою жизнь он перепробовал множество видов деятельности: философию, историю, право, педагогику, литературоведение и даже музыку. Несмотря на разнообразие интересов, делом его жизни стало развитие собственной концепции анархизма, которую С.Ф. Ударцев называет *анархо-гуманизмом* (Ударцев 1992: 164) – отдельным течением в отечественном анархизме. К собственной теории Боровой пришел далеко не сразу. В студенческие годы он увлекался марксизмом, в который, по его собственным словам, «поверил религиозно» (Боровой 2010: 141). Эта истовая вера охладевает, когда он знакомится с творчеством Ф. Ницше, заставившим его усомниться в теоретических положениях диалектического материализма (Быстров 2016: 187). Этот процесс не дался Боровому легко. Он болезненно переживал развенчание прежних идеалов и в то же время не мог найти исчерпывающей позитивной программы в ницшеанстве.

В 1904 г. Боровой, который на тот момент был приват-доцентом факультета права Московского университета, уезжает в командировку в Европу. Эта поездка стала одним из важнейших событий в его жизни: именно в этот период он радикально пересматривает свои взгляды, знакомится с трудами анархистов и принимает активное участие в организации анархистского движения. Он обнаруживает, что у его собственных идей много

общего со взглядами немецкого анархиста М. Штирнера, который отличался крайним индивидуализмом².

Со временем взгляды Борового начинают меняться: он все более критично относится к теориям Ницше и Штирнера (Боровой 2011: 17-18) и уделяет больше внимания анархо-синдикалистским концепциям. Значительное влияние на него оказал «защитник общей воли» Ж.-Ж. Руссо. Как и французский мыслитель, Боровой критикует представительную демократию. В работе 1907 г. «Революционное творчество и парламент. (Революционный синдикализм)» он обращается к аргументам Руссо в пользу прямой демократии (Боровой 1917: 12).

На формирование идей Борового значительное влияние оказали отечественные интеллектуалы, особенно М.А. Бакунин и его концепция бунтарского, революционного, романтического анархизма. По словам самого философа, Бакунин был абсолютным и непререкаемым образцом для подражания (Рябов 2013: 178). В своих работах Боровой неоднократно обращался к отечественной интеллектуальной традиции, в частности, к А.И. Герцену³.

В 1911 г. Боровой покидает Россию из-за политического давления со стороны руководства Московского университета и царских властей. В период эмиграции он знакомится с творчеством А. Бергсона, французского философа-интуитивиста и представителя философии жизни. Бергсонизм становится четвертым (после марксизма, ницшеанства, бакунизма) и финальным столпом, на которые опирается анархо-гуманистическое учение. Окончательно свои постулаты Боровой сформулирует уже после возвращения в Россию в связи с амнистией 1913 г. Теоретическое обобщение его политико-философские взгляды получают в труде 1918 г. «Анархизм» (Боровой 2011). Уже в советское время, после ареста и ссылки, Боровой попытается переосмыслить анархо-гуманистическую концепцию в итоговом труде своей жизни – «Этике анархизма», однако так и не завершит его из-за смерти в 1935 г.

Классификация взглядов Борового в контексте мирового и русского анархизма – непростая задача в силу своеобразия и эклектичности его идей. Он ориентируется на работы интеллектуалов, разительно отличающихся друг от друга, и его позиция по одному вопросу может причудливым образом сочетаться с позицией по другому вопросу. Например, проблему личной свободы Боровой решает как индивидуалист, стоящий на защите примата свободы личности, но в отношении частной собственности выступает как коллективист и социалист, считающий ее источником порабощения одним человеком другого.

Его взгляды сочетают одновременно прогрессистские и антирационалистские установки, индивидуализм и синдикализм, интуитивизм и антирелигиозность. Анархо-гуманизм Борового нельзя признать целостной

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 168. Л. 38.

³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 132. Л. 1а.

политической идеологией, но он и не стремился создать статическую, непротиворечивую, догматическую систему. Напротив, как пишет П.В. Рябов, Боровой был «мыслителем-поэтом, далеким от системосозидания и выражающим себя посредством мыслеобразов и метафор» (Рябов 2012: 420). Несмотря на это, неверно было бы утверждать, что Боровой *не смог* создать законченную и всеобъемлющую философскую систему и оставил будущим поколениям лишь набор разрозненных цитат. Он *намеренно избегал* принудительного разрешения некоторых противоречий, помещая в основание своей философии фундаментальную антиномию между человеком и обществом. В этом отношении Боровой стоит отдельно от других анархистов его эпохи, а динамический и антирационалистский элементы анархогуманизма заслуживают подробного изучения, поскольку выступают необходимым ключом к интерпретации его политических и правовых идей.

Динамизм и антирационализм

Одним из наиболее важных принципов, лежащих в основании философской парадигмы Борового, следует считать *динамизм*. Как полагает мыслитель, окружающий мир и живущие в нем индивиды пребывают в процессе бесконечного и непрерывного развития, то есть находятся в динамике, поэтому человек неизбежно является носителем динамического мирозерцания (Боровой 2011: 154).

Эта идея находит продолжение в области политической философии Борового. Как он сам отмечает, «анархизм есть миропонимание – и в этом его основное отличие от остального общественного миропонимания – подлинно динамическое»⁴. Философ отвергает идею «возвращения к природе» – откату в развитии к некоему первобытному идеалу. Не соглашается он и с концепцией завершенной утопии, которая предполагает полную реализацию эмансипирующего политического проекта и остановку в развитии. Боровой отрицает возможность волшебного преобразования человеческого естества, более того, он исходит из тезиса, что «исторический прогресс есть в то же время прогресс личности» (Боровой 1907: 54). Анархизм предполагает бесконечный прогресс по пути от несвободы к свободе. Как ребенок по мере взросления становится все менее зависимым от своих родителей, так и личность, развиваясь, становится все менее зависимой от государства.

У этой теоретической концепции есть и конкретные практические следствия. Боровой считает, что возникавшие ранее инструменты сопротивления власти тиранов – это не более чем временные несовершенные меры, и сама логика бесконечного освобождения требует отказа от них в будущем (Рублев, Рябов 2011: 237). В качестве примера он приводит идею парламента, который появляется в результате буржуазной революции, то есть очередного этапа динамического развития, но в руках новой власти превращается в инструмент закрепощения и реакции (Боровой 1917: 64).

Для Борового имеет значение именно движение, а не цель. Более того, он не считает, что цель в принципе достижима, поэтому и не пытается ее

⁴РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 119. Л. 9.

определить. «Анархизму мир представляется пластическим, далеко не завершенным, в котором творческим способностям человека дана возможность самостоятельно дополнять и совершенствовать вселенную» (Боровой 1920: 42), тогда как «исторические материалисты всегда легко и охотно погрешали в этом смысле, превращая социологическое “если” в абсолютные законы развития»⁵.

Одной из существенных черт человеческой природы, по мнению Борового, является тяга к преодолению любого рода ограничений, лежащих на пути раскрытия личностных потенциалов. Ограничений не только внешнего, объективного толка, но и психологических, создаваемых человеком для самого себя. Процесс подобного освобождения, однако, не может быть заранее описан, уложен в ясную схему. Более того, неизвестен и его результат – не существует должного положения вещей, к которому всякий обязан прийти в процессе преодоления препятствий на пути самосовершенствования. То же касается и социальной организации в целом. Как и в случае с индивидом, формулирование безусловных «пунктов назначения» для общества не только не продуктивно, но и попросту губительно для дела свободы: «Конструирование “конечных” идеалов антиномично духу анархизма» (Боровой 1920: 41).

Своим союзником в борьбе против финализма Боровой видит Бакунина, предлагая собственную интерпретацию философии классика: «...для него не могло быть и позитивного общественного строя, который бы ставил точку на дальнейшей эволюции человеческих обществ. Бакунин нигде этого прямо не формулировал. <...> Тем не менее, мысль о невозможности конечного анархического идеала, мысль о “перманентной революции” должна, по моему убеждению, быть естественным выводом из общей философской концепции Бакунина» (Боровой 1926: 137).

Другой важный столп философской парадигмы Борового – *антирационализм*. Он скептически относится к продуктам интеллекта, оторванным от реальной жизни и действительности. Сухое просвещенческое рации оборачивается для человека победой абстракции над живой реальностью. Результат строгих логических схем предзадан, но это значит, что человек лишь фундаментально бессилён «схватить» разумом столь разнообразную, не поддающуюся предсказанию сложность собственного существования (Боровой 2011: 52). По словам мыслителя, «идея всегда – отвлечение и потому всегда – отрицание реальной жизни. Наука живет отраженной, несамостоятельной жизнью; она констатирует представления, понятия жизни, но не самую жизнь. <...> Наука мыслит о жизни, но не мыслит самую жизнь» (Боровой 1926: 144-145).

Нельзя сказать, что Боровой тотально отрицает рациональность. Напротив, он считает, что человеческому разуму доступна невообразимая сила теоретического восприятия материальной реальности, он способен к открытию самых фундаментальных и впечатляющих законов и истин, лежащих в основании вселенной. Но даже этих средств оказывается недостаточно для приручения разумом живой силы психической реальности человека,

⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

подчинения им личного восприятия мира: «Мировоззрение не складывается только путем рациональным. Нельзя убедить себя или переубедить, если убеждение было крепким, только путем логической аргументации»⁶.

Как уже отмечалось, на политико-философскую систему Борового серьезное влияние оказали известные представители антирационализма в европейской мысли. Но самые убедительные логические аргументы против рационализма уступают по своей силе аргументам иной природы – великой силе художественной литературы. Боровой признается: «Достоевский незримо, незаметно для меня самого, сыграл в образовании моего мировоззрения – исключительную роль» (цит. по: Рябов 2015а: 122). Для антирационалиста Борового в литературе Достоевского первостепенны «не мертвые и застывшие “измы”, оторванные от человека, но музыкальные “лейтмотивы” и “устремленность”» (Рябов 2015а: 127). Вся философия Борового строится вокруг неприятия слепой веры в способность рационального познания человека, критики спекулятивного анализа личности, вытесняющего теоретическими схемами ее подлинное понимание: «Жизнь – иррациональна. Логика подменяет действительность понятием» (цит. по: Рябов 2015b: 128).

Впрочем, философ видит в рационализме и другой, не менее важный недостаток. По его мнению, разум создает догмы, которые ограничивают свободу и действия человека, заставляют его находиться в плену «глубоко консервативной» системы научных истин⁷. Из этого он делает вывод, что в будущем человечество должно освободиться и от оков рационализма. Борьбу с культом разума Боровой рассматривает не как реакционный, а как революционный, а значит, положительный порыв.

С практической точки зрения антирационализм Борового во многом перекликается с его критикой юридического позитивизма. Основатель анархо-гуманизма не приемлет превращения позитивной нормы права в «мертвую» закрепощающую догму, которая мешает «живому», динамическому развитию общества. Он выступает в поддержку концепции «живого права» в качестве альтернативы догматизму (Bystrov 2019: 97-98).

Человек, общество и революция

Существенным фактором, определяющим состояние общества и самым непосредственным образом влияющим на его прогресс, является мировоззрение. В анархо-гуманизме эта категория становится частью своеобразной философии истории. С точки зрения Борового, в истории мы наблюдаем своего рода пульсацию общественных форм, продиктованную поочередной сменой двух типов мировоззрения. Эпохи, в которые господствует *революционный дух*, сменяются периодами торжества утилитарного, конформистского мировоззрения (Боровой 1907: 15). По мнению С.Ф. Ударцева, самой «сутью анархизма» для Борового является «коррекция общественного сознания» – изменение мировоззрения позволяет сменять формы власти, общественное устройство (Ударцев 1992: 416).

⁶РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 170. Л. 1.

⁷РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 113. Л. 118.

В представлении Борового революционный дух – импульс, который выводит общество из стагнации и вновь запускает процесс развития. В связи с этим стоит отметить, что концепция анархо-гуманизма предполагает постоянное диалектическое противостояние двух сил в обществе – *пессимизма* и *оптимизма*. Как считал философ, пессимизм является естественной реакцией на освобождение. Негативное отношение к будущему происходит из тоски по утраченному прошлому, поэтому пессимизм называется «неизбежным психическим спутником естественной эволюции человеческих обществ»⁸. Но и пессимизм, по Боровому, может быть разным. Помимо фаталистического отношения к жизни, представленного, например, в творчестве А. Шопенгауэра, он может находить совсем иное, «актуальное» выражение, характерное для ницшеанства или революционного синдикализма. В таком варианте он «отвергает настоящее во имя радостей будущего, в свою очередь, ожидающих отрицания»⁹, становится локомотивом прогрессивного движения общества.

Революционный дух, как считает Боровой, выступает в схожей роли. Революционер жертвует настоящим для того, чтобы приблизить воплощение общественных идеалов в будущем, зная, что до конца эту цель все равно невозможно достичь. В этом проявляется противоречие, свойственное анархо-гуманизму, в котором индивидуализм соседствует с жертвенностью индивида во благо общества. Индивидуалист Боровой призывает жертвовать собой во имя идеала, жертвовать одним человеком во имя всего человечества (Боровой 1907: 25).

Боровой смотрит на общество как на меняющуюся «живую» систему, развитие которой требует периодической революционной встряски, рождающейся не из субъективного произвола политических акторов, а из действительных, но подавленных народных потребностей: «...именно потому, что революция пришла стихийной силой, вспоенная лишениями и страданиями народа, что она не укладывалась ни в какие теоретические сметы, обманула расчеты всех партий, она была живой, действенной, неотразимой» (Боровой, Бармаш, Рогдаев 1928: 24)¹⁰. В отличие от других мыслителей, которые рассматривали революцию как средство достижения финального утопического результата, Боровой видит в ней проявление динамизма, бесконечного движения.

По мнению основателя анархо-гуманизма, масштабные общественные движения, например войны и революции, поглощают индивидуальные цели. Они меняют личность через стихийный опыт и тем самым пробуждают ее, делают возможным усвоение мировоззрения. Впрочем, Боровой считает, что это пробуждение необязательно приводит к общему освобождению.

⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 24.

⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 26.

¹⁰ Книга «Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти», подготовленная А.А. Боровым при участии В.В. Бармаша и Н.И. Рогдаева, была издана в Париже без указания имен авторов заграничной организацией русских анархистов-коммунистов «Дело труда». Более подробно см.: (Рублев, Рябов 2011).

В частности, он критикует большевизм как порождение революции, прежде всего, за усиление централизации государства, развитие бюрократизма и догматизма (Боровой, Бармаш, Рогдаев 1928: 117-120).

Индивид и коллектив

Политико-правовая мысль Борового в значительной части построена вокруг противопоставления безликого, бездушного и стремящегося к рационализации бюрократического аппарата государственной власти и органически существующей, зачастую иррациональной жизни индивидов в обществе. Анархо-гуманистическая теория имеет своей целью обнаружить и сделать наглядными многочисленные противоречия, проистекающие из попытки подчинения человеческого существования порядку национальных государств модерна. Но это, казалось бы, центральное для всякого анархиста противопоставление индивида государству оказывается лишь верхним слоем политической критики Борового. Корень данного противоречия теоретик анархо-гуманизма видит глубже – в антиномии личности и общества, в неизбежном противопоставлении частных и коллективных интересов, в конфликте которых вынужден постоянно существовать свободный по своей природе человек.

Важно, что выбор между индивидуальностью и коллективностью существования не может быть сведен к единомоментному экзистенциальному решению человека, совершаемому на том или ином этапе его жизненного пути: он преследует индивида постоянно, заложен в саму природу личности. Потому и общества, решающие на том или ином этапе своего исторического развития абсолютизировать, фетишизировать фигуру отдельного индивида или же коллективной сущности (народа, нации, класса), должны быть чужды истинному анархистскому движению. Причиной тому непреодолимость заложенной в человеке антиномии, состоящей, по определению Борового, «в необходимости для личности последовательного отрицания всех избираемых и утверждаемых ею форм общественности при неизбежности для нее общественного состояния» (Боровой 1920: 23).

Влияние общества на человека отрицать невозможно: «Фатально лишенный выбора, человек естественными корнями прикреплен к обществу, которым он рожден; последнее налагает на него неизгладимую печать» (Боровой 1926: 150). Но это влияние не абсолютно; человек не сводится к социальным отношениям, существенная часть его личности остается автономной, индивидуальной. Этот неразложимый «остаток» личности есть вечный бунтарь против общественности» (Боровой 1920: 24-25).

Представление о неизбежном конфликте между личностью и коллективом лежит в самом основании теории анархо-гуманизма. Оно играет в концепции Борового, пожалуй, даже более весомую роль, чем упомянутый ранее динамизм. Последний оказывается только неизбежным проявлением этой антиномии. Индивид и коллектив предстают для философа феноменами столь же неразрывно связанными, сколь и враждебными друг другу. В работе 1918 г. «Анархизм» он предпринимает попытку исследовать про-

тиворечия между индивидуализмом и коллективизмом, между социальной природой человека и индивидуалистским сопротивлением нормативному гнету коллектива. В качестве решения предлагается компромиссный вариант – анархизм в синдикалистской интерпретации, который учитывает и индивидуальные, и коллективные интересы (Быстров 2016: 198).

Боровой принимает положение, что противоречия между индивидом и коллективом носят непреодолимый характер, и в этом заключается еще один парадокс его концепции. Философ исходит из того, что индивид обладает стремлением освободиться от коллектива, но не может достичь этой цели по причинам онтологического характера. Примирить данные противоречия Боровой пытается с помощью идеи бесконечного движения, то есть динамического мировоззрения, согласно которому движение по направлению к недостижимому идеалу является истинным содержанием жизни.

В 1920-е гг. Боровой продолжает исследовать взаимосвязь индивида и социума. В этот период он публикует работы «Роль личности в истории»¹¹ и «Детермизм и фатализм»¹², подвергает критике и «индивидуалистическое», и «социологическое» направления общественно-политической мысли. По его мнению, в вопросе о роли личности в историческом процессе оба течения оказываются «равно несостоятельны», несмотря на «их логическую стройность и обилие аргументации»¹³. В их основании обнаруживаются произвольные, не отрефлектированные критически посылки и недоказуемые положения – «своеобразная мистика». Отстаивая ценность личности, реальность ее присутствия в мире и ее суверенный характер, Боровой, однако, признает, что окончательное освобождение от влияния среды и абсолютная автономность от масс недоступны даже гению: «Так в самых творческих отрицаниях своих они были обусловлены теми положительными утверждениями, которые были сделаны не ими и до них и которые были некоторым данным, от которого они отходили в своей деятельности»¹⁴.

Сама попытка разрыва со средой, ее отрицание, противопоставление ей личных устремлений и порывов лишь свидетельствуют о глубокой интенсивной связи, существующей между индивидом и его окружением. «Индивидуалистическое» видение мира, по мнению Борового, несовместимо с задачами научного познания, так как безосновательно гипертрофирует «случайное в истории», не замечает объективные закономерности, а значит, «искажает правильное представление о творческой природе человека»¹⁵. Личность формируется исключительно в контексте своего общественного существования, а значит, концептуальная изоляция индивида, его обособление от масс парадоксальным образом оказываются умалением значения самой личности.

Боровой, с одной стороны, не допускает возможность «самопроизвольного зарождения нового в личности»¹⁶, но в то же время отрицает

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131.

¹² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136.

¹³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 7.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

¹⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 5.

и социологизаторские представления о человеке как случайном и беспомощном продукте «стихийно возникающего, органически вырастающего коллектива»¹⁷. В этом отношении он спорит с традиционными социологами (например, О. Контом, Г. Спенсером, Л. Гумпловичем), для которых человек предстает лишь членом группы, выполняющим ту или иную общественную функцию. Дискутирует он и со сторонниками сугубо материалистического подхода, обнаруживающими в личности человека только отражение классовых интересов. «Различие в том, что у “чистых социологов” – мистика масс, у исторических материалистов – мистика производительных сил»¹⁸, – резюмирует ученый.

Боровой уделяет особое внимание роли личности в истории. Интерпретаторы марксизма (Г.В. Плеханов, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин) заявляют, что индивид представляет «определенную силу» (Плеханов 1948), однако, по мнению Борового, не дают ответа, в чем заключается эта сила. Философ приходит к выводу, что здесь марксизм противоречит себе и допускает влияние случая на общественные процессы. Также он критикует исторический материализм за то, что тот не пытается исследовать личность как таковую, а изучает вместо этого общественные условия, которые ведут к появлению определенной личности. Как считает ученый, этот подход подменяет предмет дискуссии и умаляет свободу личности. В споре с марксистами он определяет уникальность личности в первую очередь тем, что в одних и тех же условиях возникают принципиально разные человеческие типы – лидеры и те, кто за ними следует.

Отметим, что Боровой не смог найти ответа на вопрос о взаимовлиянии общества и личности: насколько общество предопределяет появление той или иной личности, и как личность, в свою очередь, предопределяет процессы в обществе. Основатель анархо-гуманизма по этому поводу пишет: «...познать и проанализировать до конца *humanum mixtum compositum* пока невозможно»¹⁹. Как считает Боровой, в определенных условиях личность, под которой он понимает личность лидера, и общество начинают в равной степени влиять друг на друга. В результате складываются диалектические отношения: «Массы подготавливают и организуют вождей. Вождь организует массы, накладывает на свою организаторскую работу печать личного своеобразия»²⁰.

Боровой не считает, что общественные процессы предопределяются чем-то абстрактным: «абсолютным духом», «исторической необходимостью» или трудом. Подобный взгляд умалял бы субъектность личности. В то же время он признает, что общество оказывает влияние на выдающуюся личность лидера. В результате отсутствует окончательный вывод о том, что является двигателем истории. Философ отмечает, что будущее безгосудар-

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 8.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 13.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 14.

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 22.

²⁰ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 56.

ственное общество предполагает максимальное уравнение прав и возможностей личностей, но это не означает, что само общество будет защищено от влияния личности²¹. Боровой допускает, что ни анархизм, ни синдикализм не смогут защитить общество от подчинения воле гения.

Другой крайне важный вопрос для Борового – свобода личности и ее пределы. Он вновь спорит с марксизмом, подвергая критике концепцию «свободы как познанной необходимости»²². Мыслитель указывает на противоречие, лежащее в основе марксистской теории, в которой социальный процесс оказывается одновременно и предопределенным, и зависящим от волевого действия конкретного индивида: «Необходимость, которая оказывается во власти произвольной деятельности индивидов, не может называться необходимостью»²³. Философ отмечает, что марксистское понимание необходимости как определяющей силы, которая стоит выше произвольных действий отдельного человека, несовместимо с понятием истинной свободы, даже если человек добровольно делает то, что считает необходимым²⁴. Боровой пытается найти «соломоново решение», которое непротиворечивым образом примиряло бы возможность прогресса человечества в отношении достижения свободы с контекстом заданных внешне ограничений. Он считает неприемлемой противоречивую концепцию, согласно которой историческая необходимость предопределяет общественный процесс, но сохраняет за индивидом свободу выбора поведения²⁵.

Боровой в своих рассуждениях в значительной степени опирается на теорию Бергсона об ошибочности приравнивания длительности и протяжения в философском понимании терминов. Французский мыслитель отказывается от метафорического представления о времени как о пространстве. Вместо этого он предлагает смотреть на него как на «чистую длительность» (Бергсон 1992). Время – это не упорядоченный набор отдельных точек в хронологии моментов, а непрерывный и прогрессивный, необратимый поток событий. Бергсон переосмысливает представление о причинной определенности событий и отказывается от скепсиса по отношению к свободе воли. Он категорически не согласен с теорией детерминизма, согласно которой событие вызывает переживание, которое вызывает чувство, а то, в свою очередь, побуждает к действию. Эта теория предполагает предопределенность действий человека, и Бергсон, категорически не принимая ее, предлагает другой взгляд. Он постулирует органическое единство психических состояний человека, взаимопроникающих друг в друга, и непрерывно, ежемоментно определяющих траекторию развития субъекта. По Бергсону, эта целостность, возникающая из динамического потока психологических переживаний, и образует личность. Предопределенность действий человека всем спектром переживаний составляет свободу его воли.

²¹ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 55.

²² РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 131. Л. 55.

²³ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 4.

²⁴ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 8.

²⁵ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

Боровой развивает бергсопианский взгляд на свободу воли, противопоставляя логическое и психологическое познание действительности. Схватенное в теоретическом мышлении будущее является предопределенным, и ни борьба, ни примирение свободы с необходимостью не являются логически возможными. Но они примираются в психике человека, потому что «наше отношение к будущему... мы осознаем в себе как продукт нашего свободного выбора»²⁶. Для философа свобода оказывается субъективным отношением к рационально познанной объективной необходимости: за человеком сохраняется выбор, принять или не принять ее.

Это преодоление строго механистической картины мира через субъективную психическую жизнь человека позволяет Боровому соединить материализм с идеализмом: «Вопреки осознанной теоретической необходимости, мы сохраняем способность к практически свободному действию»²⁷. Сама способность человека быть свободным оказывается неизбывной характеристикой личности, неотчуждаемой чертой человеческого бытия – рациональное понимание и объяснение сил, детерминирующих решения индивида, теоретическое осознание человеком причинно-следственной обусловленности собственных решений не могут освободить практику его жизненного опыта от необходимости выбора.

В принципиальной субъективной непознаваемости собственного будущего, невозможности отстраниться от необходимости практического выбора для Борового кроется природа «свободы» – субъективной «свободы выбора» личного отношения к необходимости, царящей в материальном мире. Знание объективных процессов развития природы и социума, исторической обусловленности действий индивидов и обществ не лишает человеческое сознание его мировоззренческой свободы. Даже если извне можно бихевиористски объяснить причины психического отношения индивида к процессам реальности, все эти теоретические догмы не обрушат его внутренней свободы восприятия.

Заключение

Структура политико-философской системы анархо-гуманизма может быть описана через своеобразную триаду ключевых принципов, совокупность которых определила особенное «звучание» теории Борового и неизбежность его разрыва с классическими версиями анархизма. Во-первых, динамизм – тезис о господстве движения (индивида, общества, мысли) над статикой. Во-вторых, антирационализм – преодоление наивной веры наследников Просвещения в неограниченные способности разума в пользу стихийной, деятельной практики, в пользу самой жизни. В-третьих, индивидуализм – приоритет задачи обретения личной свободы над любыми проектами коллективного будущего. Для Борового нет иного «ядра», вокруг которого могла бы сформироваться истинная политическая философия,

²⁶ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 11.

²⁷ РГАЛИ. Ф. 1023. Оп. 1. Ед. хр. 136. Л. 12.

кроме конкретной личности, направляющей все свои силы на самоопределение, преодоление зависимости от внутренних и внешних обстоятельств. В результате концепцию индивидуализма Борового невозможно представить в отрыве от его концепции динамизма. Кроме того, из динамизма вытекает и антирационализм. Вера Борового в динамическую, органическую, постоянно развивающуюся жизненную силу предполагает отказ от сковывающих статических рамок чисто интеллектуального, рационалистского мышления. В свою очередь, свобода от рамок, хоть и не абсолютная, является определяющей чертой взглядов Борового на свободу личности.

Своеобразный подход Борового полон парадоксов. Философ сознательно отказывается от жесткой понятийной кодификации, не пытается загнать свое видение анархизма в «мертвую» законченную схему. Вместо этого он исходит из идеи, что путь к свободе является постоянным движением, постоянным изменением. В то же время он тратит много сил на то, чтобы философски обосновать свое видение, в том числе обращается к трудам выдающихся интеллектуалов прошлого. Столь кропотливая интеллектуальная работа, итогом которой является фактический отказ от систематизации, – лишь один из парадоксов Борового. В качестве источника других парадоксов выступает его диалектика, в первую очередь диалектика индивида и коллектива – противостояние, которое не может завершиться окончательной победой одной из сторон.

В современном мире статические, завершенные объяснительные модели, в том числе политико-правовые, не поспевают за быстро меняющейся реальностью. Они не всегда могут дать ответ на новые вызовы, и приверженцам этих схем приходится постоянно пересматривать основы их воззрений, каждый раз «строить дом заново». Анархо-гуманистические идеи не требуют принятия раз и навсегда данного набора тезисов: они обращены к действительности живого опыта, а не к конкретным его формам. Боровой предлагает не столько идеологию, сколько специфический метод интерпретации самой человеческой ситуации. Метод, который мог бы оказаться полезным в мире, ушедшем от относительной ясности модерна, но до сих пор не нашедшем ей полноценную социально-философскую альтернативу. Политический анархизм Борового оказывается лишь логическим следствием его гуманизма, потребность в котором ощущается сегодня еще острее, чем сто лет назад.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Бергсон А. 1992. Опыт о непосредственных данных сознания // Бергсон А. Собрание сочинений : в 4 т. Москва : Московский клуб. Т. 1. С. 45-155.

Бердяев Н.А. 2016. Русская идея. Миросозерцание Достоевского. Москва : Издательство «Э». 512 с.

Боровой А.А. 1907. Революционное миросозерцание. Москва : Логос. 86 с.

Боровой А.А. 1917. Революционное творчество и парламент. (Революционный синдикализм). Москва : Союз труда. 84 с.

Боровой А.А. 1920. Личность и общество в анархистском мировоззрении. Петербург ; Москва : Голос труда. 99 с.

Боровой А.А. 1926. Бакунин // Михаилу Бакунину (1876–1926). Очерки истории анархического движения в России / под ред. А.А. Борового. Москва : Голос труда. С. 131-169.

Боровой А.А. 2010. Моя жизнь. Воспоминания // Человек. № 3. С. 137-153.

Боровой А.А. 2011. Анархизм. Москва : Либроком. 168 с.

Боровой А.А., Бармаш В.В., Рогдаев Н.И. 1928. Большевистская диктатура в свете анархизма. Десять лет советской власти (коллективное исследование). Париж : Дело труда. 141 с.

Бурдые П. 2016. О государстве. Курс лекций в Коллеж де Франс (1989–1992). Москва : Дело. 720 с.

Быстров А.С. 2016. Политико-правовые взгляды Алексея Алексеевича Борового (анархо-гуманизм) // Известия высших учебных заведений. Правоведение. № 6. С. 184-211.

Денисенко Н.А. 2005. Политология. Новосибирск : НГТУ. 110 с.

Кропоткин П.А. 1920. Современная наука и анархия. Петербург ; Москва : Голос труда. 316 с.

Назмутдинов Б.В. 2020. Критические концепции государства и их значение для российской юриспруденции: введение в проблематику // Lex russica. Т. 73, № 6. С. 122-138. DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138

Плеханов Г.В. 1948. К вопросу о роли личности в истории. Москва : Госполитиздат. 47 с.

Рублев Д.И., Рябов П.В. 2011. Алексей Алексеевич Боровой: человек, мыслитель, анархист // Россия и современный мир. № 2. С. 221-239.

Рябов П.В. 2009. Философия постклассического российского анархизма –terra incognita для историко-философских исследований (к постановке проблемы) // Преподаватель XXI век. № 3. С. 289-297.

Рябов П.В. 2010а. Российское кантианство и неокантианство начала XX века в неопубликованных мемуарах А.А. Борового // Кантовский сборник. № 4. С. 97-103. DOI 10.5922/0207-6918-2010-4-10

Рябов П.В. 2010б. Алексей Боровой и философия Фридриха Ницше (из истории русского ницшеанства в начале XX века) // Преподаватель XXI век. № 2. С. 217-225.

Рябов П.В. 2010с. Анархическая философия Алексея Борового (из истории русского бергсонизма) // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. № 6. С. 24-33.

Рябов П.В. 2012. Романтический анархизм Алексея Борового (из истории русской философии жизни) // Историко-философский ежегодник 2011. Москва : Институт философии РАН. С. 416-435.

Рябов П.В. 2013. Алексей Алексеевич Боровой и Александр Иванович Герцен // Прямухинские чтения – 2012. Анархизм: от теории к движению, от движения к обществу / под ред. С.Г. Корнилова, А.М. Корниловой, П.В. Рябова и др. Москва : Футурус. С. 170-191.

Рябов П.В. 2015а. «Человек без кавычек» и «джентльмен с насмешливой физиономией» в «хрустальном дворце» (о неопубликованной книге А.А. Борового «Достоевский»). Ч. I // Философские науки. № 6. С. 121-132.

Рябов П.В. 2015б. «Человек без кавычек» и «джентльмен с насмешливой физиономией» в «хрустальном дворце» (о неопубликованной книге А.А. Борового «Достоевский»). Ч. II // Философские науки. № 7. С. 127-139.

Ударцев С.Ф. 1992. Политическая и правовая теория анархизма в России: история и современность : дис. ... д-ра юрид. наук. Москва. 538 с.

Bystrov A.S. 2019. The Forgotten Anarchist: Political and Legal Aspects of Alexei Borovoy's Anarcho-Humanism // Journal on European History of Law. No. 2. P. 86-100.

References

- Berdyayev N.A. *The Russian Idea. Dostoevsky's Worldview*, Moscow, Izdatel'stvo "E", 2016, 512 p. (In Russ.).
- Bergson H. An Essay on the Immediate Data of Consciousness, *Bergson H. Collected Works in 4 volumes*, Moscow, Moskovskij klub, 1992, vol. 1, pp. 45-155. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Anarchism*, Moscow, Librokom, 2011, 168 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. Bakunin, *Borovoy A.A. (ed.) Mikhail Bakunin (1876–1926). An Outline of the History of Anarchist Movement in Russia*, Moscow, Golos truda, 1926, pp. 131-169. (In Russ.).
- Borovoy A.A. My Life. Memoirs, *Chelovek [The Human Being]*, 2010, no. 3, pp. 137-153. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Revolutionary Creativity and Parliament. (Revolutionary Syndicalism)*, Moscow, Soyuz Truda, 1917, 84 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *Revolutionary Worldview*, Moscow, Logos, 1907, 86 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A. *The Individual and Society in the Anarchist Worldview*, Petersburg & Moscow, Golos Truda, 1920, 99 p. (In Russ.).
- Borovoy A.A., Barmash V.V., Rogdaev N.I. *Bolshevik Dictatorship in the Light of Anarchism. Ten Years of Soviet Government (collective research)*, Paris, Delo truda, 1928, 141 p. (In Russ.).
- Bourdieu P. *On the State. Lectures at the Collège de France (1989–1992)*, Moscow, Delo, 2016, 720 p. (In Russ.).
- Bystrov A.S. Political and Legal Views of Alexei A. Borovoy (Anarcho-Humanism), *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie [Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence]*, 2016, no. 6, pp. 184-211. (In Russ.).
- Bystrov A.S. The Forgotten Anarchist: Political and Legal Aspects of Alexei Borovoy's Anarcho-Humanism, *Journal on European History of Law*, 2019, no. 2, pp. 86-100.
- Denisenko N.A. *Political Science*, Novosibirsk, NGTU, 2005, 110 p. (In Russ.).
- Kropotkin P.A. *Modern Science and Anarchy*, Petersburg & Moscow, Golos truda, 1920, 316 p. (In Russ.).
- Nazmutdinov B.V. Critical Concepts of the State and Their Significance for Russian Jurisprudence: Introduction to the Problem, *Lex Russica*, 2020, vol. 73, no. 6, pp. 122-138. (In Russ.). DOI 10.17803/1729-5920.2020.163.6.122-138
- Plekhanov G.V. *The Role of the Individual in History*, Moscow, Gospolitizdat, 1948, 47 p. (In Russ.).
- Rublev D.I., Ryabov P.V. Aleksey A. Borovoy: Man, Thinker, Anarchist, *Rossiya i sovremennij mir [Russia and the Contemporary World]*, 2011, no. 2, pp. 221-239. (In Russ.).
- Ryabov P.V. "The Man Without Quotation Marks" and "The Gentleman with the Mocking Physiognomy" in the "Crystal Palace" (on the A.A. Borovoy's unpublished book "Dostoevsky"). Part 1, *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, 2015, no. 6, pp. 121-132. (In Russ.).
- Ryabov P.V. "The Man Without Quotation Marks" and "The Gentleman with the Mocking Physiognomy" in the "Crystal Palace" (on the A.A. Borovoy's Unpublished Book "Dostoevsky"). Part 2, *Filosofskie nauki [Russian Journal of Philosophical Sciences]*, 2015, no. 7, pp. 127-139. (In Russ.).
- Ryabov P.V. Alexei A. Borovoy and Alexander I. Herzen, *Kornilov S.G., Kornilova A.M., Ryabov P.V. and others (eds.) Pryamuhinskie chteniya – 2012. Anarhizm: ot teorii k dvizheniyu, ot dvizheniya k obshchestvu [2012 Pryamuchino Readings. Anarchism: From Theory to Movement, from Movement to Society]*, Moscow, Futuris, 2013, pp. 170-191. (In Russ.).

Ryabov P.V. Alexey Borovoy and the Philosophy of Friedrich Nietzsche (From the History of Russian Nietzscheanism at the Beginning of the 20th Century), *Prepodavatel' XXI vek* [The 21st Century Teacher], 2010, no. 2, pp. 217-225. (In Russ.).

Ryabov P.V. Philosophy of Russia's Post-classical Anarchism – Terra Incognita for the Historical and Philosophical Studies (to the Problem), *Prepodavatel' XXI vek* [The 21st Century Teacher], 2009, no. 3, pp. 289-297. (In Russ.).

Ryabov P.V. Romantic Anarchism of Alexei Borovoy (From the History of Russian Philosophy of Life), *Istoriko-filosofskij ezhegodnik 2011* [Historical and Philosophical Yearbook 2011], Moscow, Institut filosofii RAN, 2012, pp. 416-435. (In Russ.).

Ryabov P.V. Russian Kantianism and Neo-Kantianism of the Beginning of the 20th Century in the Unpublished Memoirs of A.A. Borovoi, *Kantovskij sbornik* [Kantian Journal], 2010, no. 4, pp. 97-103. (In Russ.). DOI 10.5922/0207-6918-2010-4-10

Ryabov P.V. The Anarchist Philosophy of Alexei Borovoy (From the History of Russian Bergsonianism), *Vestnik Rossijskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Kanta* [Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University], 2010, no. 6, pp. 24-33. (In Russ.).

Udartsev S.F. *Political and Legal Theory of Anarchism in Russia: History and Contemporary Realities*: D.Sc. thesis, Moscow, 1992, 538 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Родион Юрьевич Белькович

кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0003-0519-859X;
ResearcherID: L-2577-2015;
SPIN-код: 7272-7097;
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Андрей Сергеевич Быстров

кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0002-6855-5817;
ResearcherID: A-8433-2016;
SPIN-код: 2648-4122;
E-mail: abystrov@hse.ru

Сергей Валерьевич Виноградов

аспирант; преподаватель департамента права цифровых технологий и биоправа факультета права; стажер-исследователь лаборатории комплексных междисциплинарных проектов Центра фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия;
ORCID: 0000-0001-8621-3637;
ResearcherID: GRO-1650-2022;
SPIN-код: 9071-3294;
E-mail: svinogradov@hse.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Rodion Yu. Belkovich

Candidate of Law, Associate Professor, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0003-0519-859X;
ResearcherID: L-2577-2015;
SPIN-code: 7272-7097;
E-mail: rbelkovich@hse.ru

Andrey S. Bystrov

Candidate of Law, Associate Professor, School of Theory of Law and Comparative Law, Faculty of Law, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0002-6855-5817;
ResearcherID: A-8433-2016;
SPIN-code: 2648-4122;
E-mail: abystrov@hse.ru

Sergey V. Vinogradov

PhD Student; Lecturer, School of Digital Law and Bio-Law, Faculty of Law; Junior Research Fellow, Laboratory for Comprehensive Interdisciplinary Projects, Centre for Fundamental Research, National Research University Higher School of Economics (HSE University), Moscow, Russia;
ORCID: 0000-0001-8621-3637;
ResearcherID: GRO-1650-2022;
SPIN-code: 9071-3294;
E-mail: svinogradov@hse.ru